

C. 2.

ритические наброски.

Ч А Й Н А.

Комедии на 4-х действиях Чехова.
Продолжение.

На фоне общепризнанного восторженного Чайки выдвигается новый тип декадента Треняева. Насколько важны известны типы декадента впервые появляются на протяжении кого либо из выдающихся представителей нашей литературы.

Тип большой интерес сосредотачивает на себе его фигура. Прежде чем войти в литературу Треняев должен был пародировать на жизнь. Как Тургенев не сам создаст своего Рудина, Базарова, так и Чехов из Треняева только поднимать пародированный тип молодого поколения. Но Тургенев сумел поставить своих героев в типичные положения, сумел придать им такие черты, которые дали им выразительный образ настроений. Чехов не обыкновенно не мог возмещать до подробного изображения. Его Треняев — живое лицо — это несомненно; но также несомненно и то, что Треняев не типичный декадент.

Строго говоря, трудно определить, что такое декадентство.

В буквальном переводе — оно означает вырождение, но само собою понятно, что какое литературное течение не согласится выступить под такой эпитетом. Потому слово «декадент» — это слово бранной кличкой.

Вырождение того или иного литературного направления — явление общее всем эпохам, декаденты не зарождаются — существуют всегда и всегда, но только в истинно общественно-исторических условиях, чтобы из разрозненно блуждающих парней — декадентов сформировалась литературная партия, чтобы они могли пашинить, приковать к себе хотя бы на минуту общественное внимание. Не сумевши благоприятных условий в декаденты оглушить сами собой, как кошка в шубе. Борьба же с ними на почве логики, здравого смысла и формализма притворных понятий — невозможна, потому что недостает общности точек соприкосновения. Даже такой талантливый и подлинно-настоящий полемик как Н. К. Михайловский ничего не мог от них добиться.

Декадент по своей индивидуальнопсихологической основе — тип общий всем народам и всем народам. Он также общечеловеческий, как Гамлет, Отелло, Ролан. Декадентство с точки зрения индивидуальнопсихологической стороны вызывается неоправданной претензией, далеко превышающей размеры таланта. Михайловский при самом понятии наших декадентов в литературу отсылает, что среди них попадаются люди, далеко не бедные. Это среди сила, которая при других условиях или бы стала бы неординарными оригиналами, или бы шла сокрушающе стрелой в ряды аборiginalной и народной литературы. Но именно с положением предного родного и не хотел помириться раздвоенное самолюбие нашего декадента. Он стеснялся кину, слыть, услышу, а порою не знает. И вот издается страсть выдвигаться из толпы хотя бы оригинальностью. С этой индивидуальнопсихологической точки зрения наш декадент очень древнего происхождения. Во всяком случае у него глупое, но истинно давнее понятие о росте генеалогического дерева. Герострат — вот первый декадент появившийся в истории. И по странной воле судьбы — никому из его эпигонов не удалось затмить славу своего предка. Герострат был по прямой истреблен безумием в своей логике. А когда наш современник геростратик, кривляясь и лопочась на всевозможные лады, твердить что отрицать сознание, сознание, истреб — так и хочется сказать ему словами Чацкого: «слушай, — ах, да иди же истреб». Но враль декадентский не слушает и даже не возмущается. Мы прекрасно понимаем, что это они так только для эффекта; на самом деле среди этих отрицателей добра, правды, истины — есть очень бла-

годарные люди, прекрасные отцы семейств; даже попадаются среди них хорошие, исправные чиновники и от своего непосредственного начальства награды получают. Только вот слава их уже очень дотрется.

Мы застаем Треняева со всеми таковыми индивидуальнопсихологическими зачатками для образования декадента. Его с детства самодовольство, которое по собственному признанию скрывало, считать как шип. Вращаясь с детства в салонной матери, где собирались артисты, писатели, Треняев чувствовал себя принадлежащим, позитивным, терминировать только из приличия салонной застенчивости. Аркадия не обращала никакого внимания на душевный мир своего сына. Она занята только собой, своей славою, своими привязанностями. Когда Треняев уже печатался в журналах, она не находила времени взглянуть на его рассказы. И Костя рос, утонченный еще до выступления в жизнь, разочарованный, еще не утративший пошлости, одиозный, неострый материальной логикой. Его самолюбие раздражало, обострялось, не сдержанное являлось уступкой. Чуть немыслимо было положение Треняева в салоне его матери, там раздражение было еще нечистотой о славе. Нина тоже, если хотите мечта о славе, да в этот раз вась не востит не драматизм ее ярке лучи. Но в мечтах Треняева было что то бодренное, напряженное, доходящее порой до выступления, до горячего бреду. Его жажда славы истерична, но слава легко не дается и вот первый порождение декадентства: отрицание авторитета, всего установившегося, занесенного себе извне положение. «Нужны новые формы, новые формы жизни», убежденно проповедует Треняев. И он истреб в то, что если бы можно-

C.2.

лесты не задрать искусства и литературы—о тогда бы онъ показалъ себя!

Чеховъ выступилъ очень таинственно наградить своего героя дарованиемъ. Самое частое слово декадента указываетъ на некоторое трепетание таланта. Тщеславие обыкновенного, сознание зурядного человека удовлетворения страннымъ уединеннымъ будничной жизни. Получить душевное нѣсто, занять въ своемъ бытѣ положеніе привилегированнаго кулака—ничего для человека нужно. Отъ кусочка жизни Тренева нѣтъ снѣдства, настрѣшеніи, талантомъ. Приведите отрывокъ, чтобы дать понятие о цѣломъ

„Люди, дыш, оры и курнатея, рогатые оленя, гусь, паукъ, поджалома рыба, обитающа въ водѣ, поросль зѣлаи и тѣ, которые были бы видѣть глазами.—словомъ всѣ живы, всѣ живы, всѣ живы, смерный печальный другъ угаси... Ужъ тысяча вѣковъ, какъ земли не носятъ на себѣ ни одного живого существа, и эта бѣдная луна поспѣшно зажигаетъ свой фонарь. На лугу уже не прощипываютъ съ приномъ мурманъ и пѣвскихъ мухъ, не бѣгаютъ самшю въ лѣсныхъ рощахъ.

Холодно, дождно, дождно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. (пѣра) Тамъ жилая существъ печалю въ прѣхъ и вѣсны исторія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, и дѣла ихъ всѣхъ свалилъ въ одну. Общепроизводъ дѣла—мѣ. а. о. во нѣхъ дѣла и Александра Болдырева, и Шеллера, и Наполеона поспѣшно нѣмъ. Но мѣхъ сознанія людей свалился съ нѣмъ жнвотныхъ, и вѣлощю все, все, все вѣлощю жнвѣ въ себѣ самой и перошало: оновъ“.

Изъ статьи князя Урусова мы видѣли, что нѣкоторые символисты наши этотъ ключекъ жизни Тренева пародией на символизмъ. Напрасно. Самъ Чеховъ несомнѣнно хотѣлъ дать талантливый символистическій отрывокъ и это ему удалось. Дорогой, человекъ съ большимъ художественнымъ чутьемъ послѣ неудавшагося представленія всемъ молодого декадента говоритъ: «ме знаю можетъ быть и ничего не понимаю, авъ съ ужъ сошелъ, но нѣмъ мѣхъ поспѣшно». Тригоринъ отдѣлывается ничемъ незначащими замѣчаніями, но въ немъ уже сказывается нѣмъ твердостью взглядовъ работника, долго работавшаго въ одномъ и томъ-же нѣмъ. Сомнительно, онъ человекъ широко терпимый. Къ чему толкаться, совершенно нѣмъ замѣчаетъ онъ, въ искусствѣ всѣхъ хватать нѣмъ и старинъ и новѣхъ формъ. Онъ не замѣчаетъ, не рѣшается къ усилію; онъ просто органически не можетъ понять Тренева. «И ничего не понимая», откровенно сознается онъ Никѣ. Тригоринъ до самаго конца остается совершенно чуждымъ характеру таланта Тренева. Когда послѣдній уже сталъ печататься въ нѣмъ статьяхъ журналахъ, заинтересовалъ собой литературные кружки обилья столицъ, Тригоринъ остается при прежнемъ нѣмъ. «Что то странное, неопредѣленное, морей даже похожее на бредъ; ни одного живаго лица», отшвырываетъ онъ о разсказахъ Тренева.

Такимъ образомъ Чеховъ съ обычнымъ вѣстерствомъ далъ настроеніе декадента Тренева. Нѣтъ вѣ болѣе обостренное самозабвѣ, и трепетаніе таланта, и жажда славы.

Но Чеховъ не объяснилъ почему Треневъ вдругъ нѣмъ случайности прератился въ тѣнь, почему у него всѣ такъ выжились читатели, выжились журналы, открывшіе для него свои страницы? Отвѣтъ на поставленные вопросы сдѣлаю искать въ общественно-историческихъ условіяхъ нашего времени, а здѣсь у Чехова какой-то органический недостатокъ и онъ не только не далъ мотивировки Тренева, какъ общественнаго тѣня, онъ отнялъ у своего героя нѣкоторые типичные общественные черты нашего современнаго декадента. Повторилась старая исторія съ «Иваномъ». Ивановъ съ индивидуальной психологической стороны правдивъ, мало того вы чувствуете, что Ивановъ «герой нашего времени» и въ тоже время портретъ его вышелъ паритованнымъ безъ всякаго фона.

Когда Тургеневъ давалъ своего Рудина, Базарова, то онъ не только рисовалъ тѣня. Онъ своимъ громаднымъ синтестическимъ талантомъ рисовалъ весь фонъ общественнаго быта, породившаго его героев. И Рудинъ, Базаровъ становились событиями въ литературѣ. При появленіи «отцовъ и дѣтей» все молодое поколѣніе разбилось на два лагеря, одинъ во главѣ съ Писаревымъ хватился за Базарова, какъ за знамя, призывалъ его своимъ, вывели изъ идеаль, другие навали на новую тѣнь съ нѣмъ у рта. Базаровъ не прошелъ незамѣченнымъ. У Чехова же нѣмъ его герои при нѣмъ нѣмъ индивидуальной жнвнмъ нѣмъ проходить тѣмъ, незамѣтно. Сами фамиліи «Иванова» перестала быть шаблономъ моды перомъ Чехова. Глѣже не мотивированъ и даже нѣмъ правдиво съ общественной точки зрѣнн поставленъ Треневъ.

(Продолженіе слѣд.)

М М